

13.02.25

СТОИТ ЛИ БОЯТЬСЯ КИТАЙСКОЙ ЭКСПАНСИИ В АФРИКЕ?

Хотя Китай уже давно вторая экономика мира (и даже первая, если считать по паритету покупательной способности), с высоких трибун он по-прежнему называет себя «развивающейся страной». И уверяет, что у него гораздо больше общего с бывшими колониями, чем с их бывшими метрополиями. Проще говоря, КНР позиционирует себя играющей в одной лиге, скажем, с Суданом, а не с Великобританией.

Помимо сугубо экономических резонов, связанных с модернизацией огромной, некогда преимущественно крестьянской страны, такой подход позволяет Китаю рассчитывать на отношение к нему как к «своему» среди стран Глобального юга и, соответственно, расширять свое влияние в бывших колониях и полуколониях. То есть на территории большей части земного шара, начиная от Мексики и Аргентины, заканчивая Индокитаем.

Африка здесь – главный куш. Если раньше Черный континент воспринимался исключительно как кладовая всевозможных ресурсов, то сейчас это еще и растущий, потенциально самый большой в мире потребительский рынок. Население Африки уже такое же, как в Китае и Индии, – везде примерно по полтора миллиарда человек, но в Африке оно продолжает расти. И постепенно немного богатеть.

В Африке более полусотни стран, и почти для каждой из них Китай стал главным торговым партнером и инвестором (или одним из главных), получая взамен ресурсы и поддержку на международной арене.

Многих такое положение вещей пугает. Оправданны ли эти страхи?

Давайте разбираться.

Магия цифр

Эксперты давно подметили: любая статистическая выкладка по китайскому присутствию в Африке призвана шокировать читателя.

Объем китайских инвестиций в инфраструктуру континента превышает \$150 млрд, объем торговли – \$250 млрд. Китай открыл в Африке более 60 Институтов Конфуция и каждый год принимает на учебу порядка 50 тысяч африканских студентов. На континенте работают более 5000 китайских преподавателей-волонтеров и более 2,5 тысячи китайских военных-миротворцев. Каждый день КНР покупает в Африке 2 млн баррелей нефти. Совокупный долг африканских стран Китаю составляет \$90 млрд... И так далее, и тому подобное.

Соль тут в том, что без сравнения все эти данные неинформативны. Например, хотя Китай и занимает первое место в мире по торговле и объему инвестиций в Африку, речь идет о сравнительно скромных цифрах относительно других регионов. Например, на Африку приходится лишь 4,7% китайской внешней торговли. Объем торговли с одной только Россией такой же, как со всеми африканскими странами. В одних лишь Соединенных Штатах до того, как американские власти начали закрывать Институты Конфуция, их было в два раза больше – 120. Африканских студентов в России меньше, чем в Китае, – 34 тысячи (данные за прошлый учебный год), но цифры вполне сопоставимы. А, например, во Франции африканских студентов почти 200 тысяч.

Сравнения по некоторым другим критериям вообще позволяют взглянуть на Китай свысока. Так, у США и Великобритании на Черном континенте по пять военных баз. У Китая же только одна (это вообще единственная китайская зарубежная база). Она расположена в Джибути, где по соседству находятся базы США, Франции и даже Японии.

Словом, анализируя присутствие Китая в Африке, важно не попасть под влияние громких заголовков и понимать: КНР – один из главных, но далеко не единственный и не доминирующий игрок, борющийся за влияние на континенте.

Более того, ничего принципиально нового Китай там не делает. Торговля, инвестиции, культурное и образовательное влияние, связи с местными элитами – этот джентльменский набор используют применительно к Африке все страны, имеющие для этого достаточно ресурсов: США, Британия, Франция, да и Россия.

Единственное отличие Китая – его выход в Африку оказался подсвечен прожектором дискурсивной гегемонии Евроатлантики и совпал с периодом нарастающего алармизма по поводу растущей мощи азиатского гиганта. В силу этих причин весь мир (включая и саму Африку) начал смотреть на китайскую активность глазами обеспокоенного и не желающего делиться своим куском африканского пирога Запада.

Поэтому, когда Вашингтон или Лондон скупают месторождения на кабальных условиях, это называется «инвестиции». А когда то же самое делает Пекин, это уже «неоколониализм».

Впрочем, даже если представления о китайском неокOLONиальном доминировании сильно преувеличены, да и сам феномен «неокOLONиализма» нужно, как это принято говорить у западных ученых, «деконструировать», последовательное расширение китайского присутствия на африканском континенте – медицинский факт.

Зачем Китаю Африка

Пожалуй, главное, что может испугать в африканской политике Пекина, это скорость, с которой Китай наращивает свое присутствие. Но потребности социально-экономического развития в пореформенной КНР и резко усилившаяся конкуренция на мировой арене не оставляют выбора. Пекину позарез нужна Африка. На то есть три основные причины.

Во-первых, это ресурсы. Некоторых из них (например, нефти) Китаю отчаянно не хватает, поэтому он закупает их по всему миру, стараясь «не складывать все яйца в одну корзину» и работать с разными поставщиками. Африканские страны (прежде всего Ангола и Нигерия) в совокупности являются сейчас для Китая третьим, после России и Саудовской Аравии, поставщиком нефти. Когда-то Африка была на первом месте. Сейчас Китай не может устоять перед российскими скидками и покупает больше у нас. Но и от черного золота с Черного континента китайцы никогда не откажутся.

Некоторые из африканских ресурсов нужны Китаю для того, чтобы монополизировать рынок поставок. Например, на долю КНР приходится 80% мирового производства редкоземельных металлов. Включение в китайские цепочки добычи-производства африканских РЗМ позволит Пекину в еще большей степени контролировать эту сферу.

Во-вторых, Африка – это перспективный рынок сбыта товаров. По многим позициям китайскому дешевому ширпотребу в Африке просто нет альтернативы. Но, как уже было сказано, потенциально Африка еще и крупнейший в мире потребитель электроники, автомобилей и того, что сегодня в Китае называется «три новых товара» (электротранспорт, солнечные батареи, литиевые аккумуляторы). В условиях, когда европейский и американский рынки для китайских товаров постепенно закрываются, кажущийся бездонным африканский рынок выглядит настоящим спасением.

В-третьих, Африка – это источник международной поддержки Пекина. Из 54 африканских государств, признанных ООН, у Китая нет дипломатических отношений только с Эсватини. Это небольшое королевство с населением миллион человек (включая наследного абсолютного монарха и его 15 жен) поддерживает отношения с Тайванем. Остальные же периодически оказываются очень полезны КНР во время голосований в ООН и других международных организациях – от ВОЗ до МОК.

Кроме того, в непосредственной близости от Африки проходит большая часть морских торговых путей. Учитывая критическую зависимость Китая от морской торговли, это не тот фактор, которым Пекин может пренебречь.

Интерес к Африке появился у КНР еще во времена Мао Цзэдуна. В ту пору к вышеперечисленным мотивам добавлялся еще и идеологический. Китайцы считали Африку готовой впитать маоистские идеи и не жалели на поддержку молодых африканских наций сил и средств. Даже тогда, когда самим есть было нечего (в прямом смысле). Так, на рубеже 1960–1970-х, в разгар «культурной революции»,

китайцы построили железную дорогу ТАЗАРА между Замбией и Танзанией.

Позднее, когда идеологический фактор сошел на нет, оказалось, что это не проблема, а преимущество африканской политики КНР. В отличие от западных стран, Китай никого не учит жить. Во всех случаях Пекин предпочитает вести дела с официальным правительством, не обращая внимания на степень его людоедкости (опять же иногда, как в случае с центральноафриканским императором Бокассой, в прямом смысле слова).

Для африканских элит Китай – идеальный альтернативный партнер, готовый предложить условия лучше, чем бывшие метрополии. Но этот же фактор имеет и обратную сторону – от Китая ждут больше, чем от других, а не получая этого, быстро разочаровываются.

Черные черти и желтая угроза

Дальнейшее расширение китайского присутствия в Африке упирается в стеклянный потолок. Обусловлено это двумя факторами: внешним и внутренним.

Под внешним подразумевается серьезнейшая инерция международных связей африканских стран, обусловленная их колониальным прошлым. Почти повсеместно языки бывших колонизаторов служат языками межэтнического общения в лоскутных, искусственно склеенных африканских государствах, а язык в значительной мере определяет культурную, образовательную и, как следствие, экономическую и политическую ориентацию.

По всему континенту Китаю приходится конкурировать не просто с внешними игроками, а с силами, воспринимающими ту или иную страну как «естественную сферу влияния». Африканские лидеры-популисты с готовностью реагируют на антиколониальную риторику Пекина, но по-прежнему отправляют своих детей учиться в вузы бывшей метрополии и там же хранят свои деньги.

Китай им нужен как источник технологий и дешевых кредитов, причем на условиях, которые должны быть заведомо лучше, чем у привычных западных партнеров. Как следствие, КНР словно вынуждена «доплачивать» за вход на африканский рынок. А стремление играть по общим правилам вызывает непонимание и... обвинения в «неоколониализме».

Часто можно услышать о политике «долговой ловушки», проводимой Пекином. Но если посмотреть на структуру внешнего долга африканских стран, то выяснится неожиданное. Во-первых, главный кредитор Африки не Китай, а частные кредитные организации из США и Европы. Во-вторых, на практике гораздо чаще Пекин списывает долги, чем получает за них что-то взамен.

В большинстве случаев со слабого, нестабильного (но при этом дружественного) режима, не рискуя опрокинуть его в бездну, взять просто нечего. Да, случалось, что Пекин на правах концессии получал отдельные инфраструктурные активы. Примером может послужить аэропорт в Уганде, на реконструкцию которого местные власти взяли скромные \$207 млн под скромные 2% годовых, но так и не смогли выплатить кредит. Однако в целом такая схема работает далеко не всегда.

Внутренний фактор – это сложные китайско-африканские отношения, полные расовых предрассудков и взаимных претензий.

Контакты с выходцами с Черного континента активизировались в 1980–1990-х на волне китайских реформ. В 1988 году в Нанкине произошли настоящие погромы чернокожих студентов, в которых чудом никто не погиб. Причиной стало возмущение привилегированным положением, которое имели учащиеся из Африки по сравнению с китайцами: они жили в отдельных комфортных общежитиях, не подчинялись внутреннему распорядку кампуса, получали приличную стипендию. Точно в таком же положении находились студенты из западных стран, которых было гораздо больше, но им китайцы готовы были это простить (во всяком случае, до поры до времени). А африканцам – нет!

Хэйгуй («Черные черти») – так китайцы до сих пор называют негров. И в принципе в этом выражении нет ничего особо обидного – китайцы вообще всех иностранцев называют янгуй («заморские черти»). Но то, что европейцы воспринимают как забавную национальную специфику, у африканцев вызывает ярость. Они не готовы смириться с тем, что открытый расизм – явление, более-менее изжитое в остальном мире, – в Китае все еще норма.

Каждый, кто, живя в КНР, сталкивался с отношением китайцев и африканских экспатов друг к другу, знает, что речь идет о наборе расовых стереотипов даже не из прошлого, а из позапрошлого века. Удивительно, но расизм, в котором принято обвинять белых колонизаторов, пустил гораздо более глубокие корни среди жителей бывших колоний.

Африканцы считают китайцев хитрыми, мелочными и жадными. Китайцы, в свою очередь, полагают, что негры умеют только танцевать под громкую музыку и приторговывать наркотиками.

За годы активного торгового и образовательного обмена с Африкой в крупных китайских городах даже сформировались кварталы компактного проживания выходцев с Черного континента (например, районы Сяобэй и Саньюаньли в Гуанчжоу, где проживают примерно 20 тысяч африканцев). Отношение к ним со стороны горожан таково: «приличному человеку там делать нечего».

В период пандемии коронавируса эта напряженность привела к всплеску ксенофобии, пострадать от которой больше других пришлось тем самым чернокожим из Гуанчжоу. Триггером стал совершенно дикий поступок 47-летнего зараженного коронавирусом нигерийца: он укусил за лицо медсестру, пытавшуюся помешать ему сбежать из больницы. Комментарии в соцсетях разнообразием не блистали: все негры таковы, маски в своих «черных гетто», поди, не носят, прививаться не хотят, и вообще делать им здесь нечего.

В Африке китайцев тоже, будем откровенны, не любят. Мол, держатся слишком особняком, слишком «себе на уме», слишком высокомерны и не уважают местные традиции.

Обвинения в отношении китайского бизнеса стандартны: не соблюдает экологические нормы, отбирает рабочие места, опутывает коррупционными связями чиновников.

В общем, нарративы «желтой угрозы» едины по всему миру – от мыса Нордкап до

СТОИТ ЛИ БОЯТЬСЯ КИТАЙСКОЙ ЭКСПАНСИИ В АФРИКЕ?

мыса Доброй Надежды. А учитывая, что в случае с Африкой они ложатся на почву, хорошо удобренную внешней пропагандой, прорастает синофобия мощно. Несмотря на все экономические успехи КНР и позитивный эффект, который дает африканским странам сотрудничество с ней.

Как следствие, китайская экспансия в Африке имеет естественные пределы, преодолеть которые без серьезных сдвигов в контроле над глобальными информационными потоками невозможно. Большинство стран мировой периферии рады сотрудничеству с Китаем, но только до определенных границ и только на особо выгодных условиях.

Даже получая их, эти страны продолжают стремиться к многовекторности во внешней политике. Чрезмерное усиление одного игрока (например, Китая) неизбежно ведет к стремлению найти ему альтернативу (например, Россию). И наоборот. И ситуация в Африке в этом смысле мало отличается от того, что можно наблюдать, скажем, в постсоветской Центральной Азии или в Латинской Америке.

Впервые опубликовано деловым журналом «Профиль». Иван Зуенко. **«Стоит ли бояться китайской экспансии в Африке?»**

Источник: **Стоит ли бояться китайской экспансии в Африке?**

ОБ АВТОРЕ

Иван Зуенко

ведущий научный сотрудник, Институт международных исследований МГИМО

Местоположение: Москва, Россия

Сфера компетенций: китаистика

Область экспертизы: политическое развитие Китая

Профессиональный опыт: Дальневосточный федеральный университет, МГИМО МИД

